

# Социально-культурные границы правового противодействия этнополитическому экстремизму

Эмиль Паин

доктор политических наук, эксперт МБПЧ

## Дискуссии о правовых механизмах противодействия экстремизму

С середины 1990-х годов в России ведутся разработки правовых механизмов противодействия политическому экстремизму. Первым нормативным актом в этой сфере стал Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. "О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации", а последним по времени - федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности", принятый Государственной Думой России 25 июля 2002. В интервале между 1995-2002 гг. российские законодатели приняли множество нормативных актов, в той или иной мере связанных с правовым регулированием рассматриваемой проблемы. Большая часть этих актов анализируется в данном отчете.

Казалось бы, в России уже заложены прочные правовые основы противодействия политическому экстремизму. Вместе с тем все эти годы не утихают общественные дискуссии по оценке всего корпуса правовых актов в рассматриваемой области. Большие и, на наш взгляд, вполне обоснованные сомнения вызывает и практика применения этих правовых актов. Однако самые большие претензии можно предъявить не столько к несовершенству законов или ошибкам правоприменения, сколько к бездействию правовой системы, которая проявляет неспособность сдерживать рост числа радикальных организаций, развертывание пропаганды насилия и, что хуже всего, увеличение числа насильственных действий, имеющих идеологическую мотивацию и политический умысел.

Даже среди профессиональных юристов и парламентариев пока нет единства взглядов на определение самого понятия "политический экстремизм". Специалисты насчитывают, по крайней мере, пять наиболее известных альтернативных подходов по этому вопросу. Не меньше споров и по вопросу о возможности и необходимости правового регулирования противодействия экстремизму. Можно выделить, по меньшей мере, три типа скептических суждений по этому поводу.

Первый тип. Его представителей можно назвать "правовыми нигилистами", отрицающими необходимость использования правовых механизмов противодействия экстремизму на ранних стадиях его развития, т.е. до того как он переходит в фазу открытого насилия. Вместе с тем мотивы этого нигилизма у разных представителей выделенной нами группы могут существенно различаться.

Одни, например, правозащитник Лев Левинсон, полагают, что "только проявленное насилие наказуемо, в то время как призывы к установлению диктатуры вполне демократичны и должны быть конституционно и конвенционально защищены".

Другие отрицают необходимость специальных, в том числе и законодательных мер борьбы с экстремизмом, исходя из идеи полной саморегуляции политических процессов. Они полагают, что само демократическое развитие общества устраняет опасность экстремизма. Примерно так можно интерпретировать слова депутата Владимира Рыжкова: "Если политическая система устойчива, если она работает устойчиво, если работают демократические институты, если есть сильное демократическое государство, экстремизм нам не страшен" .

Второй тип скептического подхода демонстрируют интеллектуалы, в основном из среды правозащитников, которые полагают, что общий закон о противодействии экстремизму не нужен и даже опасен, поскольку может быть использован властями для расправы с любой оппозицией. При этом они признают саму необходимость правового регулирования экстремизма, которая может быть реализована на основе так называемых "частных запретов".

Третий тип критиков представлен социологами и политологами, которые в принципе не возражают против использования правовых и иных законных механизмов противодействия экстремизму, но сомневаются в действенности этих механизмов в сложившихся социально-культурных и политических условиях. Они полагают, что в России не созрели предпосылки для правового регулирования, поэтому любые законы в этой области окажутся мертворожденными.

Если с первым, из перечисленных типов критиков мы принципиально не согласны, то у представителей второго и третьего направлений находим немало здравых идей, которые мы и рассмотрим в данной статье. Однако вначале необходимо определить сам предмет нашего внимания.

#### О сущности этнополитического экстремизма

Принятый в 2002 году Закон "О противодействии экстремистской деятельности" и многочисленные альтернативные законопроекты, которые выносились на общественное обсуждение, при всем их различии, сходятся в том, что относят к понятию экстремизма возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Такое единодушие понятно, поскольку именно эта разновидность экстремизма сегодня, безусловно, преобладает в российском обществе. И скинхеды, нападающие на африканских дипломатов или кавказских торговцев, и террористы, захватившие мюзикл "Норд-Ост", пусть и в разной мере и форме, но выражают именно эту этнополитическую разновидность экстремизма, основанную на этнических, расовых и религиозных страхах и ненависти, т. е. ксенофобиях (этнофобиях), побуждающих к насилию.

Экстремизм и ксенофобия (или фобии) связаны между собой, но имеют существенные различия. Ксенофобия - это одна из черт массового сознания, которая носит преимущественно стихийный характер, даже в тех случаях, когда развивается под воздействием целенаправленных информационно-пропагандистских усилий, тогда как экстремизм - это более или менее оформленная идеология и деятельность организованных групп. Ксенофобия выступает важнейшим источником экстремизма в нескольких отношениях: во-первых, из носителей ксенофобии формируются экстремистские организации; во-вторых, стереотипы ксенофобии чаще всего служат сырьем для экстремистских идей. Особенно важно учитывать, что ксенофобия является одним из "конечных продуктов", результатов экстремизма, поскольку она и есть та самая рознь, на разжигание которой направлена деятельность экстремистских сил. И, наконец, именно

ксенофобия больше всего ограничивает возможности всех форм противодействия экстремизму, поскольку массовые стереотипы ксенофобии обладают внутренней инерцией и могут существовать какое-то время даже без пропагандистского воздействия экстремистских сил.

Под ксенофобией (иногда говорят "ксенофобиями") обычно понимаются различные проявления интолерантности по отношению к группам, которые воспринимаются массовым сознанием как "чужие". Сам термин "ксенофобия" как раз и означает настороженность и недоброжелательство (т. е. фобии) к чужим. Ее разновидностью является этнофобия (или этнофобии), которая может быть направлена как против конкретных этнических общностей, так и против некоего слабо дифференцированного в массовом сознании конгломерата "чужих" народов ("кавказцев", "южан", "инородцев"). Проявления ксенофобий, в том числе и этнофобий, имеют различную интенсивность, поскольку как настороженность, так и недоброжелательство могут варьироваться от подозрительности до страхов и от неприязни до ненависти. С одной стороны, этнофобия и ксенофобия, как и все фобии, являются производными от страха утраты "ресурсов", с другой - следствием страха "утраты собственной идентичности". Вокруг этих осей вертятся едва ли не все устойчивые страхи, которые фиксируются в исследованиях.

Л. Гудков отмечает, что в современной России "комплекс социальных обид растет очень сильно, но, что характерно: он не становится социально окрашенным, а принимает форму национальных обид, чувства притеснения со стороны других, этнически чужих, национальных противников и врагов. И тогда возникают мифы: о "засилии" черных, азербайджанцев, цыган и др."

Всплеск социальной, этнической и религиозной нетерпимости, лежащий в основе экстремизма, почти всегда сопровождается крутыми историческими переменами, подобные тем, которые пережили народы бывшего Советского Союза, вынужденные в короткие сроки изменять одновременно и свой политический режим, и экономическую систему, и национально-государственное устройство. Такие периоды Петр Штомпка назвал "травматической трансформацией".

На личностном уровне предпосылки этнического и религиозного экстремизма могут быть вызваны практически любыми изменениями социального статуса. Многими социологическими исследованиями фиксировалось нарастание ксенофобий и агрессивности в сознании людей, понизивших свое социальное положение. Но и "благополучные" люди не избавлены от опасностей ксенофобии и агрессии. При увеличении разрыва между притязаниями личности и возможностями их удовлетворения возрастают агрессивные установки; неудовлетворенность обычно приводит к поиску "козла отпущения". Им становится кто-то другой - власть, конкурентные группы, представители других народов и религий.

На уровне социума, этнических и религиозных общностей проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен. В таких условиях почти неизбежен так называемый "кризис идентичности", связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Стремление к преодолению этого кризиса порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками политического экстремизма, а именно: возрождается интерес людей к консолидации в первичных, естественных, или, как их еще называют, "примордиальных" общностях (этнических и конфессиональных); усиливаются традиционализм, растут проявления ксенофобии.

Эти тенденции тесно связаны между собой. Так, уже сам процесс консолидации в "примордиальных" общностях способен породить рост ксенофобии, поскольку в ее основе лежат те же социально-психологические механизмы противопоставления первичных общностей

по принципу "мы" - "они". К такому противопоставлению в переломные периоды обычно добавляется еще и негативная оценка чужаков ("они" хуже "нас", "мы" - жертвы "их" происков), поскольку поиск внешнего врага, виновника "наших" бед, почти неизбежен в условиях дискомфорта, сопровождающего исторические перемены.

Ксенофобия, как предтеча этнического и религиозного экстремизма, возникает также вследствие самоутверждения примордиальных общностей на основе негативизма. При этом социологи фиксируют две противоположные формы такого самоутверждения - с одной стороны, негативизм по отношению к группам, оцениваемым как стоящие ниже "нас" на цивилизационной лестнице ; с другой - негативизм по отношению к группам, к которым "мы" испытываем соперничество, ущемленность или обиду. Этот феномен хорошо проявляется в антиамериканских настроениях, которые усиливаются, как показывают социологические опросы, в определенные периоды, в условиях роста массовой дезориентированности, неуверенности и тревоги. Так, антиамериканские настроения в России были наиболее выражены в 1999 г., то есть после августовского дефолта, и в 2000-2001 гг. - в связи с антинатовскими настроениями в период косовских событий. Тогда антиамериканскими настроениями было охвачено 50-54% россиян, в то время как в другие годы (с 1999 г. по 2001 г.) - не более чем 8-28%.

"Кризис идентичности" порождает негативную этническую консолидацию (объединения этнических и религиозных групп по принципу "против"). Социологические исследования коллектива под руководством Л.Дробижевой свидетельствуют о росте этнического самосознания практически всех этнических общностей России. В самом росте этнического самосознания нет ничего негативного, но, к сожалению, быстрее всего растут наиболее эмоционально выраженные формы этнической саморефлексии типа: "Я готов жизнь отдать за свой народ" и даже еще более радикальные: "Татарстан для татар" или "Россия для русских". Пусть сегодня эта группа чрезвычайно малочисленна и не превышает 5-6% опрошенных, однако не может не настораживать сама динамика негативной этнической мобилизации .

Основными причинами ее роста на наш взгляд, является восприятие (взращенное, разумеется, не без помощи пропаганды) значительной частью российского общества своей недавней истории как национального поражения или как исторической травмы.

К числу основных травмогенных факторов следует отнести, во-первых, распад СССР, который преимущественно воспринимается не как некий исторический процесс, а как следствие некоего заговора: "Союз не распался - его развалили сознательно"; во-вторых, федерализацию, которая чаще всего воспринимается как дезинтеграция государства; в-третьих, обе чеченские кампании; и, наконец, экономические реформы 90-х годов, воспринимаемые большинством населения как несправедливые и подчас просто воровские.

Для раскрытия нашей темы нет необходимости анализировать, что в этих рассуждениях истинно, а что является мифом. Важно другое - сегодня эти представления утвердились в качестве стереотипов массового сознания и формируют "комплекс обид".

Переломные периоды закладывают предпосылки для экстремизма еще и тем, что значительно повышают интерес людей, испытывающих депрессии, к историческим традициям. Так, люди, уставшие от неудач и поражений (реальных или мнимых) в повседневности принимают в качестве успокоительного средства воспоминания о прошлом, и непременно героическом. Ю.Левада отмечает, что в постсоветский период позитивное самоутверждение русских осуществлялось, главным образом, за счет мифологизации и героизации прошлого своего народа . Однако еще

более заметны подобные тенденции у других этнических общностей в бывших союзных республиках СССР и в бывших национальных автономиях России. Не случайно в Татарстане отмечают день памяти погибших при взятии русскими Казани в XVI веке. Традиционализм, доведенный до своего логического конца, выступает основной предпосылкой различных проявлений такого радикального идеологического течения, как фундаментализм (возвращение к истокам), который, в свою очередь, усиливает стремление людей к культурной изоляции, препятствуя процессам модернизации, и обостряет этническую и религиозную нетерпимость.

Сегодня Россия дрейфует в потоке стереотипов, захлестывающих общество. При этом огромное количество политических деятелей пытается играть на негативных этнических стереотипах. Именно поэтому наибольшую угрозу обществу сегодня представляет не столько фанатичный экстремизм масс, сколько прагматичный экстремизм элит. Особенно опасен скрытый экстремизм националистического толка, маскирующийся под оболочку некой политической респектабельности и парламентаризма. Так, если с лозунгом изгнать из России всех "черных" выступит, скажем, лидер скинхедов, то на это сегодня вряд ли обратят внимание, по крайней мере, это не станет информационным поводом для СМИ. Другое дело, если примерно то же самое скажет вице-спикер или депутат парламента.

Такого же рода опасность представляет собой национализм, или культурный расизм, скрытый под оболочкой неких якобы научных теорий вроде популярной ныне теории неизбежного "столкновения цивилизаций". Эта идея, в конце концов, сводится к тому, что существуют наши, "хорошие" и чуждые "нам" цивилизации. Они опасны, подобны вирусу, и всякое соприкосновение с ними угрожает "нашей" здоровой культуре.

Пока подобные идеи функционируют как научные теории, с ними можно и нужно спорить в рамках научных дискуссий. Однако когда эти теории реализуются в практической политике, они должны стать предметом правового регулирования. Например, в Краснодарском крае сегодня существует мощное не только философское, но и политическое обоснование того, что турок-месхетинцев, армян и прочих представителей "чуждых" культур надо из края удалять, поскольку они представляют опасность для русской культуры и несовместимы с русским менталитетом. Специалисты квалифицируют подобные рассуждения как культурный расизм или "новый расизм", который в качестве эвфемизмов использует такие понятия, как "культура" и "цивилизация", и делает акцент на их якобы незыблемых свойствах. Этот вид расизма представляет чрезвычайную опасность для России, учитывая пестроту этнического состава ее населения и мозаичность расселения большинства ее этнических общностей.

Механизм запуска идеологом экстремистского толка подобен многоступенчатой ракете. Первая ступень - это выступление лидера малочисленной экстремистской группы, например, скинхедов, с лозунгами погромного характера в листовке, в малотиражной газете или в Интернете. Это как бы пробный шар, и он может быть облачен в самую brutальную форму. Затем та же идея, но уже как ответ на "требование народа" и в более респектабельной упаковке, высказывается известным политиком. Это становится информационным поводом для СМИ, которые вольно или невольно тиражируют экстремистские высказывания в массы. Именно так в свое время получили массовое распространение антисемитские высказывания бывшего депутат Госдумы Альберта Макашова.

О границах противодействия экстремизму

Когда в России размышляют над тем, как предотвратить эскалацию экстремизма, то в числе первых рекомендаций предлагают простейшее решение: запретить прессе обращать внимание на подобные высказывания. Самый известный российский этнолог Валерий Тишков так отреагировал на тот информационный бум, который поднялся после одиозных заявлений бывшего депутата. "К сожалению, - пишет упомянутый автор, - никто не указал прессе, что тиражирование подобных высказываний есть тоже преступление". Однако подобные рассуждения кажутся естественными лишь в России, тогда как в развитом демократическом обществе предложения "запретить прессе" или "наказать прессу" нереализуемы, и трудно себе представить, что в условиях свободы прессы экстраординарное высказывание известного политика, тем более государственного деятеля, осталось бы без внимания СМИ. Еще важнее то, что подобные рекомендации контрпродуктивны и даже опасны, поскольку в демократическом обществе именно общественное мнение, активизируемое прессой, является основным механизмом включения политических и правовых механизмов противодействия экстремизму. Вот свежий пример. В декабре 2002 г. сенатор Т.Лотт лишился поста лидера республиканского большинства в американском Сенате только потому, что пресса усмотрела в одном из его частных высказываний лишь намек на расизм.

Если сравнить описанную ситуацию с отечественной, то станет ясным, что наша проблема не столько в том, что пресса обращает критическое внимание на экстремистские выходки, сколько в отсутствии последующей правовой и политической реакции государства на отмеченные прессой факты и в пассивном отношении общественности к различным проявлениям экстремизма.

Если деятельность экстремистских движений не встречает отпора со стороны государства и общества, то начинается эрозия всей общественно-политической жизни, размывание конституционных устоев.

Мировой исторический опыт показывает, что политический экстремизм в любой форме - фашизма, нацизма, этно-религиозного радикализма - захватывает общество постепенно. Хорошо изучены механизмы манипуляции массовым сознанием, с помощью которых "антрепренеры экстремизма" актуализируют реальные и мнимые обиды и подталкивают людей к агрессивным действиям. Именно поэтому в противодействии экстремизму решающую роль должны играть меры раннего предупреждения агрессии. Это осознали многие демократические страны мира, особенно те, которые пережили ужасы массового вовлечения людей в экстремистские организации, например, Германия. Здесь приняты специальные законодательные акты, направленные на пресечение не только самих насильственных действий, но и идеологической подготовки к ним. По данным Министерства внутренних дел Германии, в этой стране только в 1999 году за экстремистские выходки - ксенофобию, антисемитизм, насилие на национальной почве - были осуждены 10037 человек, из них лишь 746 преступлений были связаны с применением насилия, остальные относились к преступлениям идеологического характера. Итак, в стране с развитой демократической культурой и устойчивой политической системой обращают внимание на любые, даже сравнительно слабые по российским меркам, проявления экстремизма на ранних этапах его эскалации.

Эту же цель, в принципе, преследует и принятый в России Закон "О противодействии экстремистской деятельности". Как бы мы ни относились к некоторым его несовершенствам, к нечеткости и расплывчатости отдельных его формулировок, но по своей направленности на предупреждение массового распространения экстремизма он, на наш взгляд, заслуживает одобрения. Есть, однако, опасность, что этот закон постигнет та же участь, что и предшествующие ему законодательные акты или отдельные нормы, направленные на пресечение "разжигания

национальной, расовой и религиозной розни". Эти акты не работают, поскольку закон может быть действенным только в том случае, если общество заинтересовано в его реализации, требует его применения. Пока общественная ситуация в России не благоприятствует действию подобных законов. Более того, в условиях "кризиса идентичности" отсутствуют ценностные ориентиры, которые не позволяют даже профессиональным юристам определиться с тем, можно ли подвести то или иное деяние под статью о разжигании национальной розни. Что касается других представителей правоохранительной сферы, скажем, милиции, то в их деятельности заметно стремление квалифицировать даже видимые невооруженным глазом проявления идеологически мотивированного насилия как разрозненные акты хулиганства.

Можно согласиться с теми, кто полагает, что в нынешних российских условиях наибольшую роль в противодействии экстремизму должны играть меры просветительского характера. Похоже, это осознают и федеральные власти, которые еще до принятия упомянутого закона утвердили федеральную программу "Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе". Однако и эта программа не имеет шансов стать действенным инструментом противодействия экстремизму до тех пор, пока не получит общественной поддержки.

Весь мировой опыт доказывает, что с такими укоренившимися общественными болезнями, как экстремизм, коррупция, наркомания и другими, нельзя бороться только "сверху", только усилиями власти. Но если мы это признаем, то попадем в замкнутый круг, когда "верхи" не могут, а низы еще "не хотят" противодействовать экстремизму. Но та же история указывает и пути выхода из этого логического тупика, на самом деле мнимого.

Механизмы борьбы с идеологией экстремизма, по сути, те же, что и с его эскалацией. Экстремизм не навязывается сверху, во всяком случае, этого не происходит в современной России. Не вырастает он и снизу, поскольку негативные массовые стереотипы - это лишь сырье для экстремизма. Идеология экстремизма формируется на некоем среднем уровне, усилиями так называемых "этнических и религиозных антрепренеров". Примерно так же должна формироваться и противостоящая ей идеология толерантности: ее основным проводником может быть только интеллектуальная элита - антрепренеры или культуртрегеры толерантности. То, что это не утопия, можно доказать конкретным историческим примером.

#### Мировой опыт

Так, в Америке еще в 1960-х годах расизм был острейшей проблемой, настолько глубоко проникшей во все поры общества, что даже в столице, в Вашингтоне, единственным местом, где черный и белый житель города могли столкнуться, был в эти годы городской железнодорожный вокзал. Только туда людей с разным цветом кожи обязаны были пускать, во всех остальных местах действовала жесточайшая сегрегация. Но общество осознало опасность поляризации населения, особенно в условиях изменения соотношения между представителями разных рас, и за 20-30 лет сотворило чудо. Сегодня число смешанных браков между представителями разных рас в Америке огромно. Белые семьи, не задумываясь, усыновляют чернокожих детей, представительство чернокожих на высших государственных должностях растет год от года, в том числе и в администрации республиканцев, которые долгие, чем демократы, сопротивлялись напору расового и этнического либерализма.

Что же произошло в Америке? Здесь не были приняты специальные законы о противодействии расизму. Те же законодательные акты, которые десятилетиями не применялись для пресечения расистских явлений, вдруг стали инструментами борьбы с ним. Те же судьи, которые спокойно взирали на вопиющие проявления сегрегации, сегодня строго карают даже самые слабые и, на мой взгляд, порой сомнительные проявления расовой некорректности, например, за употребление слова "негр" вместо слова "афро-американец". Кто-то может сказать, что все началось с проявления политической воли лидера страны, президента Дж.Кеннеди, который не побоялся обеспечить федеральную защиту конституционных прав представителей разных расовых групп. Именно при нем студента-негра Джеймса Меридита сопровождал в университет отряд национальной гвардии. Однако Кеннеди пошел на это тогда, когда твердо знал, что его действия получат поддержку избирателей самых многонаселенных районов Америки, прежде всего, ее крупнейших индустриальных центров, мегаполисов. В то время они были преимущественно населены белыми американцами. Так кто же настроил их на защиту прав негров?

Решающую роль в сломе негативных стереотипов массового сознания сыграли либеральные интеллектуалы - лидеры общественного мнения, и, разумеется, стоявшие за ними финансовые магнаты, владеющие средствами массовой информации. Именно они, осознав опасность раскола общества, угрозу политической стабильности в государстве и всего, что за этим последует, объявили настоящую информационную войну расизму. Поскольку этот опыт, на наш взгляд, в основных своих чертах применим и к российским условиям, дадим краткую характеристику важнейших элементов информационной атаки на экстремизм (в американском случае - на расизм). Во-первых, он включает в себя постоянный мониторинг экстремизма. В США действуют десятки общественных организаций, отслеживающих даже скрытые проявления идей расизма, этнической и религиозной розни в выступлениях политиков, общественных деятелей, журналистов и др. Во-вторых, к негативной оценке подобных идей подключены лидеры общественного мнения: наиболее популярные ведущие телевизионных программ, известные эксперты и религиозные проповедники. В-третьих, огромное влияние на формирование ориентации на политическую корректность и негативное отношение к расизму и другим проявлениям экстремизма играет массовая культура. Идеи расизма, как правило, вкладываются в уста негативных персонажей ("плохих парней"), тогда как героями самых популярных кинофильмов, комиксов и телевизионных сериалов выступают белый и темнокожий, а в последнее время - еще и китаец или выходец из Латинской Америки.

Конечно, и в США осознание необходимости внедрения политической корректности пришло не сразу. До этого были грандиозные расовые волнения в крупнейших городах Америки. Здесь сформировались массовые движения негров за равенство гражданских прав. Появился Мартин Лютер Кинг. Однако когда установка на политическую корректность сложилась, она сама стала определять всю последующую динамику внутренней политики страны. В конце 2002 г. лидер республиканского большинства в Сенате вынужден был подать в отставку только потому, что на одном из банкетов обронил фразу, которую пресса квалифицировала как скрытую форму поддержки расовой сегрегации.

Важно отметить, что политическая корректность становится нормой американской жизни не за счет насаждения некими директивными актами, а в процессе распространения по каналам политической культуры. Никто не предписывал президенту Клинтону или президенту Бушу включать в правительство афро-американцев, мексиканцев, китайцев, христиан, иудеев и мусульман. Американские лидеры сами понимают, что эффективно управлять страной может лишь администрация, отражающая расовое, этническое и религиозное разнообразие общества. И

президенты Башкирии, Татарстана или Якутии должны понимать, что нельзя управлять республикой, не включая в ее руководство заметного числа русских, составляющих в некоторых из названных регионов численно наибольшую группу населения. Но одновременно и федеральной власти стоило бы расширить представительство разных народов России в аппарате федеральных ведомств. Не менее важно было бы отразить многообразие этнического состава населения в дикторском корпусе основных каналов российского телевидения. Полезно было бы позаимствовать американский опыт использования массовой культуры в развитии толерантности и предотвращении экстремизма. Однако в данном докладе мы не ставим задачу разработки конкретных предложений по развитию социально-культурных механизмов утверждения в обществе норм толерантности. Хотим лишь поделиться нашей оценкой роли социально-культурных факторов как ограничителя в использовании инструментов правового противодействия этнополитическому экстремизму.

Во-первых, несмотря на определенную незрелость социокультурных условий для эффективного противодействия экстремизму и, прежде всего, дезориентацию общества и властей в отношении целей, содержания и средств борьбы с этой угрозой, нельзя дожидаться лучших времен. Они могут и не наступить при пассивности общественных сил. Мы полагаем, что сам законотворческий процесс в рассматриваемой сфере, практика применения законов и ее обсуждение в прессе, а также исследовательская деятельность - все это может оказать позитивное просветительское влияние на общество и содействовать поиску рациональных принципов и подходов в отношении экстремизма.

Во-вторых, признавая, что метод "частных запретов" представляет меньшую опасность для использования антиэкстремистского законодательства в целях расправы с любым инакомыслием, в том числе и с демократической оппозицией, мы в то же время полагаем, что этот метод менее эффективен в деле борьбы с экстремизмом. Практика показывает, что разрозненные правовые акты (как, впрочем, и вообще разрозненные действия) не могут успешно противостоять эскалации экстремизма, порождаемого комплексом серьезных социально-культурных, экономических и политических обстоятельств. Поэтому мы исходим из необходимости, с одной стороны, широкого и комплексного (программного) подхода к правовому регулированию противодействия экстремизму, а с другой - такой конкретизации самого понятия "экстремистская деятельность" (экстремизм), которая исключала бы (или значительно уменьшала) опасность его использования для борьбы с демократическим инакомыслием. Такая конкретизация означает признание социально-политической относительности того, что оценивается в качестве политического экстремизма. То, что тоталитарное государство считает экстремизмом (например, борьбу за соблюдение прав человека), при демократии приветствуется. В открытом демократическом обществе экстремистскими считаются лишь такие взгляды, которые основаны на идеологии нетерпимости к оппонентам и признают необходимость насильственного их подавления, ставят своей целью установление режима монополии власти. В условиях современной России экстремизм - это деятельность антиконституционная.

В-третьих, учитывая сложность причин, порождающих экстремизм и определяющих его устойчивость в обществе, а также масштабность связанных с ним угроз для государства и общества, мы считаем необходимым поставить в повестку дня в качестве срочной задачи выработку государственной программы противодействия политическому экстремизму. Эта программа должна служить базой для совершенствования законодательства в указанной сфере; проведения организационно-политических мероприятий, включающих организацию (или реорганизацию) соответствующих государственных структур; для широкой культурно-

просветительской работы, направленной, прежде всего, на формирование общественного мнения как основного фактора противодействия экстремизму.